

УДК 811.161.1

**Функциональная семантика славянских
модально-предположительных частиц**

Нагорный И.А.

*Белгородский государственный научный исследовательский
университет, г. Белгород, Россия*

В статье рассматривается проблема функционирования славянских модально-предположительных частиц в предложении, соотношение диктума и модуса в предложениях с частицами, параметры актуализации частицами субъективно-модальных смыслов.

Ключевые слова: *предположительные частицы, модальная квалификация, модус, квалификативные смыслы.*

В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению фактора антропоцентризма, функциональной и концептологической составляющих разнообразных ментальных операций субъекта. Параметр квалификации описываемого события субъектом базируется, в свою очередь, на комплексе динамических параметров, среди которых предположение занимает важное место. Предположение как операция ментального уровня характерно для субъекта мыслящего, чувствующего, говорящего. Это операция, помогающая субъекту постичь окружающую действительность, свое отношение к ней, квалифицировать событие. Данная операция универсальна по сути, поскольку возможно ее применение по отношению к любым явлениям, процессам, временным и пространственным координатам. Мотивация предположения может быть различной, объекты предположения ограничены объемом индивидуальных картин мира социумов.

Одним из ярких репрезентаторов предположения на языково-речевом уровне являются славянские модально-предположительные частицы. Попытка определить функциональный статус структурно служебного, но прагматически значимого элемента в концептуальном пространстве славянского предложения при актуализации данным элементом комплекса модально-квалификативных смыслов обусловила *актуальность* размышлений на тему о функциональной семантике предположительных частиц в предложении и высказывании. *Целью статьи* является рассмотрение проблемы функционирования славянских модально-предположительных частиц в предложении, соотношения диктума и модуса в предложениях с частицами, параметров актуализации частицами субъективно-модальных смыслов.

Частицы (*как бы, чай, авось, небось, никак, поди, что ли, едва ли, вряд ли, будто, точно, словно, вроде, разве, неужели, мол, дескать, якобы, де*) включаются в группу модально-предположительных и служат для выражения авторского отношения к достоверности сообщаемого. Яркая функциональная семантика, базирующаяся на факторе антропоцентризма, широкая гамма эксплицируемых в высказывании модусных

смыслов обусловили закономерный интерес к предположительным частицам как вероятностным квалификаторам сообщаемого. Интерес к подобного рода служебным элементам обусловлен ярким диссонансом между структурно-модельным и семантико-прагматическим статусом предположительной частицы.

Структурная факультативность, обусловленная морфологическим статусом частицы, грамматикализованность значения отнюдь не мешает служебному слову быть синтаксически и прагматически емким, выполнять в предложении-высказывании целый комплекс разноаспектных функций [1; 2; 3]. Частицы – это востребованный в коммуникационном процессе класс слов. Будучи грамматически служебными, частицы по частотности употребления уверенно держат одно из первых мест в обыденном языке общения. Разговорная речь насыщена частицами. Немаловажная роль в этом отводится прагматической составляющей в значении частиц, позволяющей служебному элементу выполнять в высказывании доминирующую смысловую функцию донесения до адресата прагматически облигаторных смыслов.

Предположительные частицы включаются в группу знаков, основная функция которых заключается в номинации особого, модального типа отношений. Данные элементы – инструментарий квалификации авторского отношения к сообщаемому, фиксаторы точки зрения говорящего. Предположительные частицы в этом случае могут быть охарактеризованы как знаки, при помощи которых говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к коммуникативно-прагматической ситуации в координатах «я - здесь – сейчас».

Рассматриваемые частицы являются знаками речемыслительного процесса [4; 5]. Они указывают на отражение в высказывании результата произведенной мыслительной операции. Наличие частицы в высказывании свидетельствует об активизации процесса мышления субъекта. Предположительные частицы в данном аспекте – языковые «орудия мысли».

Исследование ментальных процессов подводит к пониманию того, что при помощи предположительной частицы логическое суждение соотносится говорящим с параметрами категорий возможности и вероятности. Одна и та же частица в различных высказываниях может фиксировать разную степень вероятности, возможности, сомнения или предположения. Цель автора при введении в высказывание модального квалификатора заключается, в первую очередь, не в обозначении конкретной степени, а в обозначении самого факта вероятности. В связи с этим отметим, что предположительные частицы способны образовывать нечленимые модально-ответные предложения: - *Ты уверена?* - **Как будто...** (В. Шукшин); - *Как ты думаешь, он вернется?* - **Вряд ли** (В. Шишков); *Понимал ли, что оставаться дома было опаснее, чем отбывать на чужбину?* **Едва ли** (газет. текст); - *А ты уверена, что она ничего не понимает?* **Вряд ли** (В. Иванов). Это важная логическая функция частиц в языке.

Предположительные частицы, не являясь пропозитивными элементами, тем не менее активно участвуют в обслуживании семантической структуры предложения, а иногда и формировании, в результате чего достаточно сильно трансформируют смысловые поля предложения субъективными характеристиками, выступая в роли прагматически значимых элементов. Смыслы, актуализируемые предположительными частицами, существенно конкретизируют собственно пропозитивные смыслы, соотносят их с говорящим, «проявляют» его позицию. Данные смыслы важны для высказывания, так как выражают его авторство, что для речевого образования (в отличие от конструкции, модели) является определяющим: *Авось все, что я говорю,*

правда! (А. Чехов); *Ну, прощайте, други...Засиделись мы у вас – и вам, чай, надоели* (И. Тургенев); *Едва ли мы ее убедим* (В. Головачев).

Предложения с предположительными частицами интересны и в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как снятие четкой противопоставленности диктума и модуса. Объективный и субъективный слои смысла в таких предложениях приближены друг к другу, представляют собой синтез двух единств. Диктум при помощи частицы «притягивается» к модусу, используется для нужд модуса, в результате чего субъективные смыслы внедряются в диктум, усложняя его структуру. Происходит трансформация семантических полей пропозитивно значимых элементов – предиката, актантов, сирконстантов. Модусные смыслы, вводимые частицами, в ряде случаев даже подчиняют себе объективные смыслы, которые используются в качестве смысловой базы, на основе которой происходит прагматическая переориентация события: - *А здесь может быть разумная жизнь?.. – Вряд ли* (К. Булычев); - *Трава жива? – Едва ли* (В. Бережков); *Вдруг снова словно слышалось что-то* (А. Волков); *Как будто бы только что здесь был* (В. Шукшин). Говорящий при помощи модального средства ориентирует адресата на то, что имеются некие причины, существование которых предопределило его отказ от констатационного способа изложения собственной точки зрения. Данные причины побуждают говорящего избрать иную, неконстатационную форму выражения мысли. Факт существования подобных причин доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется именно на них.

Стоит заметить, что выделение степени уверенности / неуверенности в качестве критерия отграничения смысла «предположение» от других квалификативных смыслов, реализуемых в высказываниях предположительными частицами, следует признать ненадежным параметром, так как, с одной стороны, нередко в предположительном высказывании наблюдается как раз высокая степень авторской уверенности в сообщаемом: - *Что ты хочешь сказать? – Что ж тут объяснять. Небось помните, как я вас любила* (И. Бунин); *Здорово, друг, здорово, брат, здорово. Рассказывай, чай у тебя готово Собрание важное вестей?* (А. Грибоедов); «*Неужто же, – вскрикивает она, – неужто же мне опять с дитем моим должно расстаться?*» (Н. Лесков).

С другой стороны, сам факт актуализации квалификативных смыслов обусловлен не столько степенью авторской уверенности в сообщаемом, сколько причинами прагматического уровня: *Я едва ли не менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию* (В. Брюсов) (степень уверенности связывается с авторской компетентностью); *У вас, чай, и так вороха наготовлены, брильянтовая* (А. Островский) (степень уверенности основана на общественном мнении); *Эта лента столь широко обсуждалась профессионалами, зрителями и прессой, что вряд ли стоило бы к ней возвращаться, если бы повода не дал сам кинематограф* (степень уверенности обусловлена известностью факта). Таким образом, предположительная квалификация события лишь косвенным образом связана с уверенностью/неуверенностью, но отнюдь не является вытекающей только из нее.

Как видим, квалификативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавный переход одного смысла в другой, совмещение их в пределах одного высказывания. Это обусловлено тем, что в речевом коммуникативном процессе, как правило, работает целый комплекс взаимопересекающихся функционально-прагматических факторов. В то же время отметим, что там, где это возможно, конечно же, следует производить дифференциацию базовых и надстроечных смыслов,

реализуемых в высказываниях предположительными частицами. Одним из дифференциальных критериев, думается, может служить антропоцентрическая составляющая – степень обоснованности собственного мнения, на которую ориентируется говорящий при построении модально-квалификативного высказывания.

Функциональный подход к репрезентируемым частицами прагматическим смыслам ориентирует на учет не только собственно лингвистических, но и суперлингвистических факторов. Особое положение при этом отводится интонационным и контекстуальным показателям. В этом аспекте предположительные частицы могут быть охарактеризованы как формальные средства, отражающие только начальный стимул для актуализации квалификативного смысла, который далее уточняется и конкретизируется подключением средств других уровней языка и речи: *Он не сводил глаз с крыльца, - и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже **будто бы** требовал какой-то старинный обычай... (И. Бунин); *Ихтиозавр, **что ли?** - спросил Макшеев, помнивший кое-что из курса палеонтологии (В. Обручев); *-Не думаю. Хотя если хозяин подстать своему догову... Думать о приятном отдыхе **вряд ли** придется (В. Назаров).* Предположительная частица фиксирует в данных высказываниях момент начала развития предположительного смысла, правомерность введения которого далее обосновывается при помощи контекстуальных и ситуативных показателей.**

Выводы. Функциональный анализ семантики предположительных частиц с опорой на фактор антропоцентризма заставляет по-иному взглянуть на проблему исключительно частеречного подхода к изучению русских частиц. Узость такого подхода в настоящее время очевидна. Частицы, как функционально и прагматически сориентированные элементы, проявляют себя исключительно на уровне предложения, что позволяет говорить о наличии у них особой, синтаксической семантики.

В прагматическом аспекте и антропоцентризма сказанное позволяет выделить две основные цели, которые преследуются говорящим при вероятностной квалификации события: а) высказать собственное видение ситуации, эксплицировать «личный» взгляд на ситуацию; б) донести свою «точку зрения» до адресата, добиться того, чтобы адресат правильно понял говорящего, то есть адекватно тому, что заложено в основу вероятностной квалификации самим говорящим. И в первом, и во втором случае русские предположительные частицы – это «сигнал важности» сообщаемого факта, один из способов автора высказывания продемонстрировать свое безразличие к происходящему. Употребляя данные средства, говорящий боится от недопонимания его позиции, то есть ориентирует адресата на «правильное» (по мнению говорящего, естественно) понимание ситуации, а также собственного взгляда на ситуацию.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Труды института русского языка. – Т.2. – М.–Л.: АН СССР, 1950. – С. 38-79.
2. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. – М.: АН СССР, 1960. – 378 с.
3. Стародумова Е.А. Русские частицы / Е.А. Стародумова. – Владивосток : ДГУ, 1997. – 68 с.
4. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М.: МГУ, 1972. – 198 с.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

Нагорный И.А. Функціональна семантика слов'янських модально-гаданих часток // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Частина 2. – С. 46-50.

У статті розглядається проблема функціонування слов'янських модально-гаданих частинок в реченні, співвідношення діктума і модусу в реченнях з частками, параметри актуалізації частками суб'єктивно-модальних смислів.

Ключові слова: *модально-гадані частки, модальна кваліфікація, модус, кваліфікативні смисли.*

Nagornyy I. Functional semantics slavic modal-hypothetical particles // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 2. – P. 46-50.

The article addresses the problem of the functioning of the Slavic modal-hypothetical particles in the proposal, the ratio dyktum and modus proposals with particles, the parameters of mainstream particulate subjective-modal meanings.

Key words: *The Supposition Particles, Modal Qualification, Modus, Qualificative Sense.*

Поступила в редакцію 10.03.2012 г.